

К интерпретации поэмы Давида Самойлова «Струфиан»

Давид Самойлов на протяжении многих лет испытывал устойчивый интерес к нескольким «идеологическим» мотивам, таким как роль писателя-проповедника, уход властителя от власти (иногда — накануне важных исторических событий), личный путь к свободе, предполагающий отказ от привычной мирской жизни. Усиливаясь во второй половине 1970-х — 1980-е гг. («И вот однажды ночью» (1976), «Смерть императора Максимилиана» (1975), «Уйти, раствориться в России» (1986), «Был год неустройства и слома» (1986), «Три отрывка» (1980—1986), «Бегство Толстого» (1986), «Возвращение» (1989) и т. д.), они присутствовали в дневниках, переписке и публицистике поэта с начала его творческого пути. Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын — для Самойлова ключевые фигуры при попытках художественного воплощения перечисленных мотивов. В поэме «Струфиан» (1974), где сходятся все три выделенные нами сюжетные линии, толстовский и солженицынский сюжеты дополняют друг друга. Мы попытаемся обозначить место поэмы в творчестве Самойлова и установить ее связь с актуальным литературным контекстом.

Современники отмечали, что «Струфиан» содержит иронические отсылки к «Письму вождям Советского Союза» (1973) Солженицына. Переписка с Л. К. Чуковской и ряд дневниковых записей позволяют утверждать, что сам Самойлов понимал, что в «Благом намереньи об исправленьи Империи Российской» Федора Кузьмича современники видят пародию на «Письмо вождям...». Солженицын определенно и довольно желчно укажет на связь «Струфиана» с «Письмом Вождям...»:

Итак: всю жизнь, в жажде покоя, остерегался Самойлов печатать стихи с общественным звучанием. Но однажды все-таки не уберется, заманчиво — и стезя общественного поэта, и неопасно: ударить по Письму вождям Солженицына: Дабы России не остаться / Без колеса и хомута, / Необходимо наше царство / В глухие увести места — /

В Сибирь, на Север, на Восток... Ну, и собрал сколько-то благожелательных хихиканий среди московских образованцев — впрочем, не единодушных [Солженицын 2003: 175].

Эта реакция была адекватна замыслу поэта. В трактате Кузьмича действительно можно найти аналоги положениям «Письма»: подобно Солженицыну, Федор Кузьмич видит в западном влиянии опасность для «русского смысла», предлагает увести царство в «Сибирь, на Север, на Восток» [Самойлов 2010: 395].

Решение переложить воззвание Солженицына в памфлетную форму было, как кажется, подготовлено возражениями к «Августу Четырнадцатого», которые Самойлов начал набрасывать в виде «Вопросов» с начала 1970-х гг. Несмотря на то что на предложение Солженицына вынести дискуссию в самиздат Самойлов ответил отказом, дневниковые записи свидетельствуют, что уяснение собственных позиций по тому кругу идей, который очертил будущий автор «Красного Колеса», оставалось для Самойлова актуальным. Как отмечает Г. И. Медведева, «Солженицын интересовал Д. С. пристально, пожалуй, как никто из современников. Ведь именно Александру Исаевичу в глухую пору безгласности выпало стать сосредоточием и эпицентром политических, социальных и метафизических страстей» [Медведева 2014: 694].

Неслучайно и обращение к сюжету о старце Федоре, ранее использованному Толстым. Для Самойлова и Толстой, и Солженицын — представители одного личностного типа проповедника, учителя жизни. Этот тип интересовал Самойлова с философской и художественной точек зрения. Об интересе поэта к жизненным сценариям и характерам «учителей жизни» свидетельствуют, в частности, размышления Самойлова вокруг пьесы «Фарс о Клопове, или Гарун аль Рашид». Интерес к фигуре титулярного советника Анатолия Алексеевича Клопова (1841—1927), одержимого идеей исправления империи, Самойлов испытывал с начала 1960-х гг. Первые записи о работе над пьесой относятся к зиме 1963 г., но только пять лет спустя, в 1968 г., Самойлов, как кажется, находит необходимую интонацию и приступает к актив-

ной работе. Пьеса будет завершена только зимой 1981 г. (дневниковая запись от 21 февраля)¹. В Клопове Самойлов увидел не только исторического персонажа, но и ярчайшее проявление характерного для некоторых русских людей свойства. Показательно, что имя Солженицына появляется в размышлениях об этом типе рядом с именем Толстого. Запись от 15 февраля 1971 г.:

Письмо Льва Толстого Николаю II (в «Былом»). Даже в Толстом «клоповщина». «Клоповщина» — явление не русского рабства, а русского идеализма. Вот смысл пьесы. Я это чувствовал, но не формулировал так точно [Самойлов 2002: 50].

Запись от 1—3 марта 1974 г.:

Солженицын продолжает играть председателя земшара. Он написал свой план переустройства России и отправил его правительству. Вечная «клоповщина» [Самойлов 2002: 73].

Запись от 9 марта того же года:

В России великий гражданин обязательно — ругатель. А чтобы ругательство его было услышано, должен и ругать на уровне ругаемых. Кто кого переплюнет. Хуже всего, когда такой герой выступает с положительной программой, да еще и посылает ее ругаемым. Тут и лезет «клоповщина». «Клопова» надо писать в виде повести. Теперь все ясно [Самойлов 2002: 74].

Эти записи указывают на внутреннюю связь между Толстым и Солженицыным (стремление к идеализму, а значит и «клоповщине»). Они подсказывают вероятную логику памфлетного переложения «Письма вождям Советского Союза» внутри сюжета, уже использованного Толстым. Автор демонстрирует, что «считал» толстовские «ноты» письма Солженицына, по композиции и интонации близкого толстовскому обращению к Николаю II. Отсылая к художественному

¹ О творческой истории «Фарса о Клопове» см. комментарии Г. Р. Евграфова в сборнике «Над балаганом небо. Поэзия и театр» [Самойлов 2015: 228—331].

тексту Толстого («Посмертным запискам старца Федора Кузьмича»), автор напоминает о любимой толстовской мысли — возможности внутреннего переворота даже для властителя. Изымая же сюжет внутреннего изменения героя из рассказа, Самойлов не просто представляет нам Александра I лишенным воли к поступку, но максимально акцентирует «невстречу» Федора и Александра.

В интерпретации Самойлова, это не просто два разных персонажа, с разной судьбой и жизненными целями, но и герои, которые *не могут* встретиться, что, в свою очередь, чревато пагубными последствиями для страны. Самойлов ставит своего героя не перед проблемой изменения самого себя, как Толстой, а перед страхом за смутное будущее:

— Уход от власти — страшный шаг.
В России трудны перемены...
И небывалые измены
Сужают душно свой кушак...
[Самойлов 2010: 392].

Как было отмечено, «там, где герой Толстого совершает нравственный выбор, одноименный герой Самойлова получает чудесный подарок» [Немзер 2005: 419]. Подарок, который не отменяет неоднозначных последствий:

<...> история не кончится, а оставшиеся здесь будут мучиться старыми и новыми проблемами, в том числе тобой (и твоим уходом) накликаемыми (вроде едва не разразившейся в декабре 1825 года и тогда дорогой ценой остановленной гражданской войны) [Немзер 2005: 419].

Этот разворот, возможно, обусловлен полемикой Самойлова с интерпретацией наследия Толстого в «Августе Четырнадцатого».

Напомним, что Солженицын в «Августе Четырнадцатого» обращается к наследию Толстого сразу на нескольких взаимосвязанных уровнях: упоминает писателя в качестве мировоззренческого ориентира нескольких героев; учитывает «Войну и мир»

при выработке композиционных решений (чередует «мирные» и «военные» сцены, делает отступления о роли истории и отдельных личностей, значении и ходе войны, вступая при этом с Толстым в полемику). «Август Четырнадцатого» был опубликован в Париже в издательстве YMKA-Press в 1971 г. Самойлов почти сразу познакомился с текстом (см. запись от 17 октября того же года: «Прочел “Узел” Солженицына. Пишу об этом» [Самойлов 2002: 57]). Книга живо задела Самойлова. В статье «Александр Исаевич», начатой в 1971 г., Самойлов говорит о толстовских корнях Солженицына и замечает полемику с учением Толстого. Один из ее примеров связан с фигурой Самсонова — командующего 2-й армией во время Восточно-Прусской операции, который покончил с собой после поражения при Танненберге. Самойлов особенно выделяет эпизод его самоубийства:

Вполне современный вариант христианства, без подвига самопожертвования, без сострадания, без любви. Вариант христианства фадеевского, а не толстовского. Фадеев ведь тоже в момент самоубийства сопричастился богу. И значит, мирской подвиг самоубийения из раскаяния или от страха перед судом человеческим есть подвиг, угодный богу? И вина перед людьми, вина нелюбви, незаботы, неспасения, несбережения людей искупается нелюбовью к собственному физическому существованию? Достаточно ли одной предсмертной молитвы для искупления пролитой крови? Уж слишком легким было бы искупление, слишком проста амнистия [Самойлов 2014: 524].

Из приведенной цитаты ясно, что поэт увидел мысль, с которой не мог согласиться: прощение Самсонова, дарование ему покоя не отвечает самоейловскому принципу, выпестованному со времен войны, — «ни на что не напрашивайся, ни от чего не отпрашивайся» [Самойлов 2014: 266]. Перед самоубийством генерал Самсонов так же, как позднее Александр из «Струфиана», думает о судьбе родины и принимает решение, увидев в стечении событий «божий перст» (ср. далее «божий знак» Федора). Сцена сопровождается появлением звезды — ключевого образа и сюжетного «двигателя» «Струфиана»:

Отошел на несколько шагов на чистое поднебное место.

Заволокло, одна единственная звездочка виднелась. Ее закрыло, опять открыло. Опустясь на колени, на теплые иглы, не зная востока — он молился на эту звездочку.

Сперва — готовыми молитвами. Потом — никакими: стоял, на коленях, смотрел в небо, дышал. Потом простонал вслух, не стесняясь, как всякое умирающее лесное:

— Господи! Если можешь — прости меня и прими меня. Ты видишь: ничего я не мог иначе и ничего не могу [Солженицын 1971: 430].

Конечно, звезда — архетипический образ, к тому же любимый Самойловым. Начиная с ранних стихов у Самойлова звезда символизирует сокровенные стремления лирического героя, творчество, мечту, любовь, веру (ср. «Извечно покорны слепому труду...» (1946), «Чужие души» (1957), «Выезд» (1966)). Отсутствие звезд, как, например, в «А вдруг такая тьма наступит...» (1946—1947), или потеря присущих им качеств («слепые звезды» в «Чужих душах») — сигнал тревожный. В то же время звездное сияние подчас осмысляется как искушение — искушение ухода от реальных, земных радостей и печалей. Не зря герои стихотворения «Слово о Богородице и русских солдатах» (1942—1943) отказываются от предложенного Богородицей рая, вспоминая о долге перед семьей и страной. Первый солдат думает:

«Век бы пробыть, Мати, с тобою,
но дума одна не дает покою, —
ну как, Богородица,
пречистая голубица,
бабе одной с пятерыми пробиться! —
Избу подправить, заработать хлеба...
Отпусти ты меня Пречистая, с неба»;
Второй говорит: «Нам ружьишки — братишки,
Сабли востры — родные сестры.
И не надо, Богородица, не надо мне раю,
Когда за родину на Руси помираю»
[Самойлов 2010: 36—37].

В стихотворении о «мудрых землянах» тяга к звездам сравнивается со стремлением Дедала, обернувшимся, как мы помним, трагедией Икара:

Захотелось мудрым землянам
Распрощаться с домом зеленым,
Побродить по нездешним лонам,
По иным морям-океанам.
И откуда такое желанье?
Почему со времен Дедала
Рвутся в небо наши земляне,
Неужели земли им мало?
[Самойлов 1980: 62].

В «Струфиане» образ небесного светила амбивалентен — государь видит звезду, Федор — божий знак; звезда отрывается от небесного свода и сталкивается с землей, что напоминает о звезде из Апокалипсиса. Появление такой многозначной звезды в «Струфиане», на наш взгляд, прямо перекликается со звездой в эпизоде самоубийства Самсонова. Если у Солженицына звезда продолжает символизировать высшие силы и покой, то у Самойлова символическое значение звезды изменяется: сначала появляясь как мечта, знак свыше, она становится действующим лицом, орудием судьбы. Причем автор делает акцент именно на трагических последствиях вмешательства светил. В этом можно увидеть подобие упрека Солженицыну, который Самойлов делает в статье: заменяя «толстовские» мотивы ухода (любовь и самопожертвование) на «фадеевские» (из раскаяния или страха перед судом людей), оправдывая их, Солженицын, по мнению Самойлова, подменяет настоящие ценности ложными.

Еще одним аргументом в пользу сознательной отсылки к «Августу Четырнадцатого» может служить то, что запись от 4 апреля 1974 г., свидетельствующая о возобновлении работы над «Струфианом» после десятилетнего перерыва, содержит упоминание статьи о Солженицыне: «О Солжениц., об отъездах (памфлеты)» [Самойлов 2002: 76]. Это соседство помогает проследить, как двигалась мысль

Самойлова, и найти подсказку к интерпретации поэмы. Важна здесь и всплывающая рядом с упоминанием Солженицына тема отъездов. В начале 1974 г. в записях Самойлова то и дело звучат размышления о судьбе автора «Одного дня...», его преследовании, завершившемся высылкой.

Итак, знакомство с контекстом создания поэмы помогает понять, что публицистический посыл «недостоверной повести» не исчерпывается полемикой с «Письмом вождям...». «Струфиан» обращен к широкому кругу солженицынских взглядов, выраженных в том числе и в «Августе Четырнадцатого». Самойлов видит в Солженицыне наследника толстовских традиций — не только публицистических, но и художественных. Утопический проект Толстого и Солженицына, по Самойлову, не находит приложения не столько по причинам содержательным, но и потому, что отсутствует деятель, который мог бы взять на себя ответственность за происходящее. Оставляя непроясненной ситуацию исчезновения героя, Самойлов смещает акцент с ее причин на возможные последствия.

СОКРАЩЕНИЯ

Медведева 2014 — *Медведева Г. И.* О составе // Самойлов Д.С. Памятные записки. М., 2014. С. 688—700.

Немзер 2005 — *Немзер А. С.* Поэмы Давида Самойлова // Самойлов Д. С. Поэмы. М., 2005. С. 353—463.

Самойлов 1980 — *Самойлов Д. С.* Избранное. М., 1980.

Самойлов 2002 — *Самойлов Д. С.* Поденные записи: В 2 т. М., 2002. Т. 2.

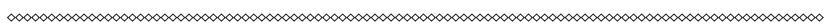
Самойлов 2010 — *Самойлов Д. С.* Счастье ремесла. М., 2010.

Самойлов 2014 — *Самойлов Д. С.* Памятные записки. М., 2014.

Самойлов 2015 — *Самойлов Д. С.* Над балаганом — небо. Поэзия и театр. М., 2015.

Солженицын 1971 — *Солженицын А. И.* Август Четырнадцатого. Узел I. Париж, 1971.

К интерпретации поэмы Давида Самойлова «Струфиан»

Солженицын 2003 — *Солженицын А. И.* Давид Самойлов // *Новый Мир*. 2003. № 6. С. 171—178.